

Глава 9. Разблокированный дневник

Пожелтевший от времени блокнот не подавал признаков жизни, сколько по нему ни постукивали.

«Я отправилась в больницу. Утро двадцать третьего ноября — я отчётливо помню, что тогда лил дождь. Он сказал мне, что старушка, похоже, угасает.

Ха, угасает? Столько лет я пылинки с неё сдувала, а удержать так и не смогла.

Она ушла. Ушла, полная гнева, обиды и нежелания мириться со смертью.

И во всём виновата она. Я заставлю её заплатить!»

Ведущий Цзяо Лю пролистал его. Назвать это полноценным дневником было трудно: почти все страницы пустовали, лишь на первой сиротливо ютились несколько строк без подписи.

Он указал на Ху Ханьсяня:

— Это тот самый, который он нашёл.

Гу Вэй снова устроился на стуле с ногами. На нём была чистая рубашка Чжуан Чжуана, а плечи согревал красный плед. Его рука безвольно свисала вниз: старый актёр обрабатывал порезанное запястье антисептиком.

Отправляясь на съёмки развлекательного шоу, никто и подумать не мог, что дело дойдёт до настоящих травм. Лишь предусмотрительный ветеран сцены захватил с собой дорожную аптечку.

В сыром, холодном воздухе плотно застёгнутая рубашка сидела на Гу Вэе на удивление аккуратно. Из-под манжеты левого рукава проглядывал причудливый узор с ярко-красным, почти вызывающим контуром.

Вокруг Гу Вэя столпились остальные. Поближе подобрались даже те, кому прилетело по лицу и кто баюкал сломанные руки.

Цзяо Лю раскрыл второй блокнот — такой же ветхий и потрёпанный. Чернила расплылись от влаги, превратив большинство страниц в нечитаемые тёмные пятна. Разобрать удалось лишь половину листа где-то в середине. Полезного там тоже оказалось немного:

«Утро двадцать третьего ноября, Центральная больница. Дождь навевает тоску. К счастью, у

старушки здоровый румянец.

Наши труды не пропали даром. Мы заботились о ней изо всех сил, теперь её жизни ничто не угрожает.

Но все мои нынешние страдания — из-за него.

Этого человека я заставляю молить о смерти!»

— Цяо Луи и Бай Ли явно пара, а может, и вовсе супруги. Во всяком случае, они близки, это очевидно всем. А пожилая женщина — мать Цяо Луи, — Цзяо Лю нахмурился, сопоставляя факты. — Оба дневника описывают одно и то же утро. Судя по почерку и датам, писали два разных человека.

Вдруг по комнате прокатилась волна чужой, давящей ауры.

Среди артистов пробежал шёпот беспокойства. Столпившиеся в круг люди почувствовали, как по спине пробежал холодок, и невольно начали оглядываться. Казалось, из темноты за ними наблюдает нечто липкое, скользкое и невидимое.

Гу Вэй, лениво вертевший в пальцах галстук, тоже почувал неладное. Он вскинул голову, вглядываясь в полумрак.

Но там, куда упирался этот незримый взор, не было никого, кроме Цяо Луи, по-прежнему сидевшего у постели матери.

Огромное заброшенное здание дышало мёртвой тишиной, но ощущение чужого присутствия крепло с каждой секундой.

— Чувствуете? Опять этот взгляд! — молодая певица растолкала коллег, пытаясь пробраться в самый центр круга. На неё было жалко смотреть.

Старый актёр ободряюще похлопал её по плечу и усадил рядом с собой, крепко сжав её дрожащие пальцы.

Чжуан Чжуан поёжился, потирая лопатки:

— Стоило этой Чжоу Чжоу, ну, нашей главной героине, войти, как по спине черти забегали.

Гу Вэй отвёл взгляд от тёмного угла и внезапно протянул руку.

Окружающие замерли, ожидая от него гениальной подсказки.

— Пожевать ничего не осталось?

Все притихли.

Певица торопливо протянула ему пакетик фисташек и бутылку минералки. Гу Вэй благодарно улыбнулся. Девушка смущённо отвела взгляд, заливаясь лёгким румянцем. Ей было от силы года двадцать два — ещё одна звёздочка, рано познавшая вкус славы в шоу-бизнесе. На публике она усердно поддерживала образ боевой девчонки, не знающей страха. Но оказавшись в этом безумии, бедняжка то и дело срывалась на слёзы, явив миру свою настоящую, хрупкую натуру.

— Пока тебя не было, мы тут пораскинули мозгами, — подал голос Ху Ханьсань. — Если отталкиваться от их отношения к старушке, эти записи могли сделать только Цяо Луи и Бай Ли. Но как так вышло? Одно и то же утро, одна и та же пациентка, но в одном дневнике она умирает, а в другом — пышет здоровьем?

В этом и крылось главное противоречие, над которым все безуспешно ломали голову.

— Чего уставились? — Гу Вэй с аппетитным хрустом раскусил фисташку. — На мне ответов не написано. Под носом у вас что? Рот. А он нужен не только для того, чтобы еду запихивать. Им ещё и вопросы задавать можно.

Забросив в рот очередное ядрышко, он перевёл взгляд на единственного присутствующего здесь неигрового персонажа.

Отношение к Цяо Луи у всех теперь было, мягко говоря, неоднозначным. Сначала его панически боялись, потом списали со счетов как безобидную декорацию. Но после того, как этот тип продемонстрировал свои скрытые таланты, народ притих. Кто знает, в какую преисподнюю провалился пол под его ногами? Да и Киноимператор И Цяньвань, провалившийся туда же, до сих пор не подавал вестей.

Цзяо Лю и Ху Ханьсань порывались было остановить Гу Вэя, но не успели.

— Эй, Цяо Луи!

Опечаленный NPC медленно поднял голову.

— Иди-ка сюда, разговор есть.

Остальные лишились дара речи.

Ну и наглец. Обращаться с опасным системным персонажем как с карманной шестёркой? Самое поразительное, что Цяо Луи даже не подумал разозлиться. Он послушно поднялся и поплёлся на зов, шаркая подошвами.

Приближающийся шаркающий шаг заставил артистов поспешно расступиться, освобождая дорогу. Певица, борясь с накатывающим страхом и отвращением, мёртвой хваткой вцепилась в рукав старого актёра, стараясь полностью скрыться за его спиной.

Гу Вэй бесцеремонно выхватил дневники из рук Цяо Лю и сунул их прямо под нос подошедшему:

— Глянь-ка. Который из них твой?

Присутствующие безмолвно вытаращились на него. Серьёзно? Просто подойти и спросить?

Цяо Луи скользнул мутным, безжизненным взглядом по исписанным страницам и покачал головой:

— Ни один.

В смысле? Ни один?!

Гу Вэй зашуршал пожелтевшими листами у самого его лица:

— Тогда всмотришься получше. Какой вела Бай Ли?

При упоминании этого имени Цяо Луи даже не взглянул на записи. Он медленно поднял глаза и уставился на Гу Вэя долгим, тяжёлым взглядом.

Гу Вэй вопросительно приподнял бровь.

— Неужели ты настолько её ненавидишь? — глухо произнёс Цяо Луи. — Мало тебе было погубить её однажды, ты хочешь сделать это снова? Неужели ты не можешь простить её... хотя бы ради меня?

Очередная фисташка так и зависла у Гу Вэя перед самым ртом.

«Что за идиотские сюжетные рельсы...»

Он мазнул ленивым взглядом по объективу скрытой камеры, а затем вновь посмотрел на зависшего перед ним персонажа. Превозмогая зубную боль от навязанной роли, Гу Вэй попытался выудить крупницы правды:

— Ты правда не понимаешь, что она натворила?

Цяо Луи подался вперёд, его мёртвое лицо исказилось от внезапной вспышки эмоций:

— Она просто полюбила не того! Она всего лишь...

— А-а-а!

Вдруг мёртвую тишину пустого этажа прорезал истошный женский визг.

От этого неожиданного звука у всех едва инфаркт не случился. Перепуганные артисты мгновенно сбились в кучу, встав спина к спине. И лишь спустя несколько секунд до них дошло, что кричал кто-то из своих.

— Да что с тобой такое?! Зачем так орать? — раздражённо прикрикнул кто-то.

Кричала певица. Дрожащим пальцем она указывала на Цяо Луи, а её лицо побелело от ужаса.

Все повернулись к нему. Голова ещё мгновение назад казавшегося нормальным персонажа резко, с влажным хрустом повалилась на плечо под прямым углом, вернулась в прежнее положение и снова упала на бок. Словно сломанный автомат, он методично повторял одно и то же:

— Она просто полюбила не того! Она всего лишь...

Этот жуткий механический танец заставил толпу в панике отпрянуть. Вдруг он сейчас бросится на них?

— Тихо! — рявкнул раздосадованный Гу Вэй, у которого от этого зрелища уже раскалывалась голова. — Всё, разговор окончен. Заткнись!

Цяо Луи мгновенно замер. Шаркающие шаги зазвучали вновь — он молча повернулся и поплёлся обратно к постели матери.

— Ладно, раз эти записи не принадлежат Цяо Луи, значит, один из дневников вела Бай Ли, — быстро проговорил Цяо Лю. — Но какой именно? И кому принадлежит второй?

Старый актёр нерешительно подал голос:

— А что, если один из них — фальшивка?

Все взгляды скрестились на нём. О такой уловке никто не задумывался.

— Ну, я к тому, — поспешно добавил он, косясь на забившегося в угол Чжун Лю, — что раз уж этот парень пугал нас невероятной сложностью уровня, система вполне могла подкинуть ложный след.

В воздухе повисло тяжёлое молчание.

Гу Вэй посмотрел на Чжун Лю сверху вниз и ухмыльнулся — нагло.

— А ведь верно подмечено. Я и забыл, что у нас тут под боком сидит штатный соглядатай.

Он легко спрыгнул со стула, подошёл к Чжун Лю и опустился перед ним на корточки, небрежно помахивая пакетиком с орехами:

— Поделишься информацией в обмен на угощение?

Чжун Лю вжался в стену, инстинктивно баюкая раненую руку, и упрямо сжал губы, решив молчать до последнего.

Гу Вэй вздохнул и обернулся:

— Эй, Цяо...

— Ладно! Ладно, я скажу! — взмолился перепуганный парень. — Сколько я здесь нахожусь, — запричитал он с плачущими нотками в голосе, — система ни разу не подсовывала игрокам дезинформацию. Все улики всегда подлинные.

Он украдкой скосился на своё запястье. Счётчик золотых монет неумолимо стремился к нулю, причём скорость списания только что возросла в разы.

Проклятье! Жаба душила Чжун Лю так, что дышать было трудно.

— Значит, второй дневник... — Ху Ханьсань посмотрел на Гу Вэя. — ...принадлежит либо твоему

персонажу, главному герою, либо героине, Чжоу Чжоу. Мы могли бы вычислить автора по манере речи.

Но никто не спешил развивать эту мысль. Откуда им знать, как выражаются эти виртуальные фантомы? Главный герой — это сам Гу Вэй, который знать не знает предыстории своего аватара, а под личиной Чжоу Чжоу скрывается жуткий двойник, появившийся в результате замещения. Ни у кого из них не спросишь совета. Кто разберёт их повадки?

— Первый дневник вела Чжоу Чжоу, — уверенно произнёс Гу Вэй, задумчиво постукивая пальцами по шуршащему пакету. Поскольку подсказок от системы ждать не приходилось, оставалось полагаться лишь на собственную логику.

Все уставились на него. Чжуан Чжуан робко поинтересовался:

— Почему ты так решил?

— «Я отправилась в больницу... Он сказал мне, что старушка, похоже, угасает». А во втором написано: «Утро двадцать третьего ноября, Центральная больница». — Гу Вэй пропустил гладкую ткань галстука сквозь пальцы. — Попробуйте сопоставить эти фразы. Замечаете разницу?

Чжуан Чжуан растерянно моргнул, ничего не понимая. Но Цзяо Лю внезапно прозрел:

— В одном месте просто «больница», а в другом — полное название, «Центральная больница»?

— Именно, — кивнул Гу Вэй. Он снова взобрался на стул. — Мой персонаж по сценарию — практикующий врач. Чжоу Чжоу, настоящая главная героиня, тоже носила белый халат. — Действительно, до того как её заменил монстр, безликая женщина была одета в медицинскую форму. — Человек, который ежедневно ходит на работу в Центральную больницу, в своих личных записях назовёт её просто «больницей». Для него это обыденность, деталь повседневной рутины. Ему ни к чему официальные вывески. А таинственный «он», который сообщил Чжоу Чжоу о состоянии пациентки — скорее всего, лечащий врач, то есть мой персонаж. Бай Ли же, будучи родственницей больной, воспринимает клинику со стороны. Для неё это конкретное учреждение, поэтому она и пишет полностью: «Центральная больница».

На лицах присутствующих отразилось искреннее облегчение. Логика казалась безупречной и донельзя простой, стоило лишь разложить всё по полочкам.

Цзяо Лю воодушевлённо хлопнул в ладоши, подхватив ход его мыслей:

— Выходит, строчка в дневнике Чжоу Чжоу: «И во всём виновата она. Я заставлю её заплатить!» относится к Бай Ли. У них был затяжной конфликт. А в записях Бай Ли: «Этого человека я заставлю молить о смерти!» речь идёт о главном герое-враче.

— Точно. Бай Ли с самого начала вела себя крайне агрессивно по отношению к тебе, что лишний раз подтверждает: второй дневник принадлежит ей.

Когда клубок загадок начал распутываться, уныние как рукой сняло. Люди приободрились, почувствовав, что выход близок.

— Но тут неувязка, — прервал всеобщее ликование прагматичный Ху Ханьсань. — Если старушка — мать Цяо Луи, то при чём здесь Чжоу Чжоу? Почему она пишет, что «берегла её столько лет»?

Все вновь притихли. Логика упёрлась в очередной глухой тупик.

Ху Ханьсань повернулся к Цзяо Лю:

— И ещё: к чему тогда слова Цяо Луи о том, что Бай Ли «просто полюбила не того»?

Цзяо Лю покосился на притихшего на стуле Гу Вэй и неуверенно предположил:

— Может, у неё была безответная любовь, которая переросла в ненависть?

Чжуан Чжуан окончательно запутался:

— То есть Бай Ли сохла по моему брату, но спала с Цяо Луи?

Головоломка становилась всё более абсурдной. Мозг закипал у каждого первого. Чёртова драма.

Ху Ханьсань поудобнее перехватил свой тяжёлый молот:

— А каково истинное желание директора больницы? Тебе удалось разузнать об этом у нашего Киноимператора?

Гу Вэй весело хмыкнул:

— Зная повадки этой долбаной системы, она бы ни за что не раскрыла ему карты так просто. Впрочем, если вам невтерпёж, вернётся — сами спросите. Стоп, а что...

Он замолчал, заметив, как взгляды присутствующих устремились ему за спину. Чжуан Чжуан приоткрыл рот, собираясь что-то сказать, но осёкся на полуслове.

Гу Вэй недоумённо прищурился.

Забившийся в угол Чжун Лю вдруг вскочил на ноги, его глаза лихорадочно блестели, когда он смотрел куда-то за плечо Гу Вэя.

Гу Вэй обернулся и наткнулся на спокойный взгляд карих глаз И Цяньваня.

Киноимператор стоял прямо за его стулом, слегка оперевшись рукой на спинку. Его чёрная рубашка была безупречно чистой, ни одной складки или пятнышка грязи. Мужчина выглядел так, словно просто вышел на неспешную вечернюю прогулку, а не выбирался из жуткой бездны.

Гу Вэй удивлённо приподнял бровь и тихо рассмеялся:

— Ого, шустро ты. И чего так смотришь? По глазам не видно, что ли? — Он соорудил самую наглую, издевательскую мину и без тени смущения выдал: — Я влюбился в тебя с первого взгляда.

<http://bllate.org/book/18225/1752531>